

О. Д. Шемякина⁴

О ПРИНЦИПАХ ОПИСАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРОПОРЯДКА

Стремительно меняющийся на наших глазах миропорядок актуализирует проблему принципов описания общественных систем, обладающих разной исторической динамикой. Сталкиваются не просто разные цивилизации, сталкиваются структуры большой длительности, в которых соотношение веры и разума, взаимодействия локальных миров и «большого» общества, стратегии интеграции, конфликтов и форм солидарно-

¹ См.: Шемякин Я. Г. Культурный трансфер как взаимодействие идентичностей: опыт различных цивилизационных типов в универсальном контексте // *Цивилизации*. Вып. 12. Трансферы в истории и теории цивилизаций. М.: Наука, 2021. С. 137–184; *Он же*. Еще раз к вопросу о специфике гуманитарного знания в свете проблематики сравнительных цивилизационных исследований // *История*: [электрон. науч.-образоват. журн.]. Вып. 8 (106), т. 12. URL: <https://sochum.ru/s207987840016465-0-1> (дата обращения: 04.07.2022).

² Шемякин Я. БРИКС в стратегической перспективе. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/briks-v-strategicheskoy-perspektive/viewer>.

³ См.: Шемякин Я. Г. БРИКС в свете цивилизационного подхода.

⁴ Научный сотрудник кафедры истории России до начала XIX века МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук. Автор более 40 научных публикаций, в т. ч.: «Микробиологическая опасность и социальные инициативы: чума в Москве 1770–1772 гг.», «Непрямое зрение: возможность увидеть смыслы истории в повседневности», «О видимом и невидимом в российском социокультурном пространстве. Российский опыт в универсальном контексте», «Противоречия российского модерн-проекта и традиционная культура. Историческое наследие и современный контекст» и др.

сти, степень принятия многообразия мира имели вековые традиции, сформировавшие выбор разительно отличающихся ответов на вызовы глобальных и локальных рисков древности и современности.

Классическое знание, строившее свое описание на форме, числе, диспозиции и величине, было выращено в эпоху визуальной революции, которая утверждала значимость внешнего описания объекта на основе визуального опыта фиксированного в пространстве наблюдателя. Для этой формы знания было важно и доверие к количественным характеристикам измерения объекта (к числу и величине), появившееся вследствие утверждения формальной рациональности.

Все, что не охватывалось человеческим глазом, в это описание не попадало. При этом не просто терялась глубина проникновения в объект, но и не ставилась задача анализа противоречий между внешними признаками и внутренним содержанием, например языков, при изучении этничности и самосознанием народа, в которое еще нужно было проникнуть⁵. Кроме того, следует отметить, что классическое знание было ориентировано на описание объекта в ситуации статики, предпочитая работу с объектом с четкими границами, и оказывалось не особенно успешным при описа-

⁵ Абашиш С. А. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетейя, 2007. С. 93.

нии нарушения границ, анализа переходных форм и т. д.

В современной ситуации поворота на Восток перечисленные характеристики классического знания также могут оказаться недостаточными. Историческая динамика восточных систем отличалась от европейской, сохраняя значимость инерции традиции. Идеи сотворенности мира, религиозного опыта, который был призмой преломления оценки социальности, роль невербального опыта в передаче традиции сохраняли глубины, недоступные формальной рациональности. Социальные структуры, несмотря на значимость идеи иерархии, состояли из многообразных локальных миров. Роль непредсказуемых рисков создавала благоприятную среду, в которой случайность, разнообразие, неопределенность, своеволие и индивидуальные особенности пропитывали все социальное пространство. А это, в свою очередь, определяло многообразие конструктивных напряженностей между локальными мирами и «большим» обществом, вариативность сценариев власти, достигавшей общественного согласия. В этом отношении традиционные общества Востока и домодерная Европа схожи. Поэтому современный поворот к Востоку означает в том числе и реанимирование собственного опыта Европы. М. Фуко считал свободу в доиндустриальных обществах результатом спонтанного развития индивидуальности и особого характера недисциплинированности¹.

Классическое знание оказывается малоприспособленным и для описания современного состояния западного мира, которое З. Бауман определил как «текущую современность», хотя текучесть и изменчивость здесь имеет совершенно иную этиологию — разрушения социальных связей.

Тогда что же такое «твердая» социальность, которую наиболее адекватно описывает классическое знание? «„Тяжелая современность“ была... эпохой формирования действительности на манер архитектуры или садоводства; действительность, послушная вердиктам разума, должна была быть „построена“ при строгом контроле качества и согласно строгим процедурным правилам и прежде всего спроектирована до того, как начнутся строительные работы. Это была эра чертежных досок и проектов — не столько для нанесения на карту социальной территории, сколько для подъема территории до уровня ясности и логики, которым могут похвастаться только карты. Это была эпоха, которая надеялась узаконить разум в действительности, изменить ставки так, чтобы вызвать рациональное поведение, сделав все неразумные действия слишком дорогостоящими, чтобы намереваться их предпринять»².

Риторическим механизмом, обеспечивающим устойчивость нового, пришедшего на смену средневековому общественному устройству, были идеи камерализма — создания и продвижения самого представ-

ления о государстве как едином, рационально устроенном организме, обслуживаемом лояльными и квалифицированными чиновниками³. Последовательным воплощением камералистского проекта были, например, реформы Петра I. Однако отличием петровской административной системы было отсутствие самой «системы» в смысле рутинных механизмов управления: «вплоть до последних лет своей жизни он опирался на служащих двух гвардейских полков — Преображенского и Семеновского — в качестве проводников его воли в обход старых или новых административных органов»⁴. Гвардия позволяла осуществлять «ручное управление» страной, и никакая Табель о рангах не могла упорядочить систему государственной службы, пока рядовой гвардейского полка мог отдавать распоряжение главе провинции⁵.

Классическое знание, которое наиболее адекватно для описания современного общества на определенном этапе его развития, оказывается не способным создавать картину общественной жизни в переходный период — противоречия в нем были органичны, а конфликты между идеями и реалиями неизбежны. Данный тип знания заводит исследователя в тупик, когда он сталкивается с необходимостью описания объекта, в котором неоднородность была нормой. Если же обратиться к традиционному обществу Средневековья, то оно было, как уже отмечалось, воплощением беспокорности границ и многообразия форм перехода как способа бытия социальной системы, проявившихся во всех измерениях жизни: «нетвердых» границ государств, множественных переходных форм зависимостей, выстраивающих социальную иерархию, переходов из сакральной сферы в профанную, что делало религию, политику и юриспруденцию практически неотделимыми друг от друга.

Кристаллизация «жидкого элемента» в социальной ткани возможна была только на той стадии общественного развития, когда идея упорядоченности становится самоценностью и когда возникает многочисленный современный бюрократический аппарат, последовательно выпалывающий местное своеволие. Вот только сделать это было можно с достаточной степенью эффективности на сравнительно небольшой территории.

Текучесть и подвижность в досовременном мире могли быть столь масштабными и мощными явлениями, что оказывались способны прорасти и в современность — я имею в виду феномен номадизма⁶. Номадизм требует особого языка описания, связанного с анализом структур большой длительности. Евразийский широтный коридор степей, пустынь и полупустынь, соединяющий страны Леванта и Китая, стал основой беспрецедентной в мировой истории ландшафтной оси, пронизавшей Восток и Запад и ставшей предпосылкой динамизации социальной жизни кон-

³ Новая имперская история Северной Евразии. Ч. 2 : Балансирование имперской ситуации: XVIII–XX вв. / под ред. И. Герасимова. Казань : Ab Imperio, 2017. С. 18.

⁴ Там же. С. 49.

⁵ Там же. С. 50.

⁶ Шемякина О. Д. Конец шелкового пути? Феномен номадизма в мировой экономике древности и современности. URL: <https://nosh.msu.ru/culture/tpost/gultby3hi1-kruglii-stol-posvyaschennii-strukturam-b>.

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 357 ; Скотт Дж. Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии : пер. с англ. М. : Новое изд-во, 2017.

² Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. С. А. Комарова ; под ред. Ю. В. Асочакова. СПб. : Питер, 2008. С. 56.

тинента¹. Номадизм может быть рассмотрен во множестве социальных проекций. Вызовы воинственных кочевников полициям древности и Средних веков требовали ответов — мобилизации огромных армий и военных походов, а также развития многообразной этно-дипломатии и установления обширной торговой сети, ставшей логистической основой континентальной экономики, а также транзитом идей и технологий.

Номадизм как социальное явление появился в результате перемещения людей и товаров, а оно было невозможно без включения в оседлые общества обширных этнически чуждых им кочевников, занятых широким спектром «кочевых» занятий. Главными объектами деятельности и ресурсами кочевников были люди, которым они предлагали посреднические услуги, а не природа. Движение было связано не только с деятельностью особой категории людей, которые специализировались на посредничестве.

Евразийский коридор был зоной сверхинтенсивных контактов, динамизирующих контуры социальной жизни оседлого населения, включенного также в процессы обмена, взаимодействия разных религиозных традиций и влияния множества локальных принадлежностей. Оседлое население, постоянно испытывавшее давление как со стороны народов, ведущих кочевой образ жизни, так и со стороны особой категории людей, основным занятием которых было посредничество, и само было вынуждено постоянно меняться. Процесс идентификации носил текучий характер, находясь в процессе постоянного обновления и смены². Переход с одной семиотической системы к другой был характерен и для взаимодействия языков, породивших особую культуру перевода, действующую вдоль торговых маршрутов³.

В современном нам мире константы, определившиеся в процессе освоения трансконтинентальных торговых путей, продолжают действовать и сегодня. Древние сухопутные маршруты имеют отношение к транспортной логистике программы «Один пояс, один путь». Реализация этой программы будет означать возможность создания новой альтернативной глобализации. Различия и различия как необходимые элементы процесса идентификации в историческом ядре шелкового пути постоянно меняют свои очертания. Они прозрачны, поскольку люди их преодолевают, превращаясь из «своего» в «чужого» и наоборот⁴. Торговля шелком потеряла свою актуальность, но кочевники, воспитанные в традициях посредничества, остались и преодолели континентальные границы. Непропорционально высокому представительству армян и евреев в бизнесе и свободных профессиях Европы и Ближнего Востока соответствует роль китайцев в Юго-Восточной Азии,

парсов в Индии, индийцев в Африке и ливанцев в Латинской Америке и на Карибских островах⁵.

И это дает нам основание для утверждения того, что в широтном коридоре Евразии действовали структуры большой длительности, связанные с кочевничеством как с движением товаров, людей, идей и технологий в физическом пространстве, а также с движением в сфере сознания, текучей идентичности, изменчивой и ситуативной.

И наконец, о «текучей современности», о которой писал З. Бауман. Одна из глав его книги с аналогичным названием посвящена «кочевникам» современной цивилизации Запада. Превосходство захватчиков во времена «тяжелой» современности состояло прежде всего в их способности осваивать, полностью использовать и заселять территорию. «Игра доминирования в эру текучей современности ведется не между „большим“ и „меньшим“, а между более быстрым и более медленным. Правят те, чья скорость выше, чем скорость противника. Когда скорость означает доминирование, „освоение, использование и заселение территории“ становятся препятствием — помехой, а не преимуществом. Принятие под свою юрисдикцию и, более того, аннексия чьей-либо земли подразумевают капиталоемкие, тяжелые и невыгодные заботы об управлении и обеспечении общественного порядка, ответственность, обязательства — и прежде всего налагают значительные ограничения на свободу передвижения в будущем... Растущее число влиятельных голосов мировой элиты предпочитает оставить „государствам-нациям, превратившимся в полицейские околотки“, задачи по разрешению кровопролитных соседских конфликтов; как нам сообщают, разрешение таких конфликтов должно быть также „разгружено“ и „децентрализовано“, перераспределено вниз в глобальной иерархии с учетом или без учета прав человека и передано туда, „где оно и должно быть“, — местным военачальникам и оружию, которое они имеют благодаря великодушию или „вполне понятным экономическим интересам“ мировых компаний и намерению правительств способствовать глобализации. Например, Эдвард Лутвак, старший научный сотрудник в американском Центре стратегических и международных исследований, много лет являющийся надежным барометром изменений настроения Пентагона, призвал в журнале *Foreign Affairs* за июль-август 1999 г. (названном газетой *Guardian* „наиболее влиятельным периодическим изданием“) „дать войне шанс“»⁶.

Я позволила себе столь обширную цитату из работы известного британского социолога не только для того, чтобы обозначить особый тип агрессии экстерриториальных элит в установлении нового миропорядка. В современной ситуации разные типы социальных систем, сформировавшиеся в разные эпохи, заговорили разом, поэтому важно предельно расширять интеллектуальное пространство взаимодействия различных социальных учений, которые соответствовали бы реальной сложности «мира людей» и предохраняли бы сознание студентов, работающих с учебными текстами, от жестких, линейно ориентированных схем.

⁵ Слезкин Ю. Эра Меркурия. Евреи в современном мире. М.: АСТ: CORPUS, 2019. С. 50–54.

⁶ Бауман З. Указ. соч. С. 201–202.

¹ Даймонд Д. Ружья, микробы и сталь: история человеческих сообществ / пер. с англ. М. Колопотина. М.: АСТ: CORPUS, 2010.

² Абашиш С. А. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алтейя, 2007. С. 235–236.

³ От берегов Босфора до берегов Евфрата // Антология ближневосточной литературы I тысячелетия н. э. / пер., предисл. и коммент. С. С. Аверинцева. М.: МИРОС, 1994. С. 3–50; *Эспань М.* История цивилизаций как культурный трансфер: пер. с фр. / под общ. ред. Е. Е. Дмитриевой; вступ. ст. Е. Е. Дмитриевой. М.: Новое лит. обозрение, 2018. С. 712–734.

⁴ Абашиш С. А. Указ. соч. С. 236.